

ПОДСЛЕДСТВЕННОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН: СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, НОРМАТИВНЫЕ ПРОБЕЛЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Каюмов Бахтиер Эркинжонович
Начальник факультета бакалавриата
Правоохранительной Академии

Собиров Ўткиржон Эркинжон ўгли
Студент 3-го курса факультета
«Юриспруденция (следственная деятельность)»
Правоохранительной Академии

Аннотация:

Настоящая статья посвящена комплексному теоретико-правовому и критическому анализу института подследственности в уголовном судопроизводстве Республики Узбекистан. На основе системного изучения норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан (ред. от 09.11.2025), прежде всего статей 31.1, 34, 39.1–39.2, 320.1, 332, 335–336, 344–348, 381.2–381.5 [1], исследуются специфические характеристики предметной, территориальной, персональной подследственности, подследственности по связи дел, а также подследственности при производстве дознания. Проводится сравнительно-правовой анализ с моделями уголовного судопроизводства Российской Федерации, Германии, Франции, Италии и Соединённых Штатов Америки [4, 8, 12]. Выявляются системные нормативные пробелы и правоприменительные коллизии: отсутствие легального определения подследственности, неурегулированность альтернативной подследственности, диспропорционально широкое дискреционное полномочие Генерального прокурора, процессуальный вакуум при доследственной проверке, отсутствие специальных норм для киберпреступлений, институциональная ограниченность следственного судьи. Проблемы систематизированы в три структурных узла: «прокурорский монополизм», «нормативная лакунарность» и «институциональная несамостоятельность». Для каждой выявленной проблемы сформулированы конкретные предложения по совершенствованию законодательства, включая авторские редакции норм УПК РУз, с учётом международных стандартов Совета Европы, рекомендаций GRECO и Венецианской комиссии [14, 15]. Определены этапы законодательных реформ с оценкой их реалистичности и рисков внедрения.

Ключевые слова: подследственность, уголовный процесс, досудебное производство, предметная подследственность, территориальная подследственность, персональная подследственность, следственный судья, прокурорский надзор, предварительное расследование, реформа уголовного судопроизводства, Узбекистан.

Annotation:

This article is devoted to a comprehensive theoretical, legal and critical analysis of the institute of investigative jurisdiction in criminal proceedings of the Republic of Uzbekistan. Based on a systematic study of the norms of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan (as amended on 09.11.2025), primarily Articles 31.1, 34, 39.1–39.2, 320.1, 332, 335–336, 344–348, 381.2–381.5 [1], the specific characteristics of subject-matter, territorial, personal investigative jurisdiction, investigative jurisdiction by connection of cases, as well as investigative jurisdiction during the course of an inquiry are examined. A comparative legal analysis is carried out with the models of criminal proceedings of the Russian Federation, Germany, France, Italy and the United States of America [4, 8, 12]. Systemic regulatory gaps and enforcement conflicts are identified: the lack of a legal definition of investigative jurisdiction, the lack of regulation of alternative investigative jurisdiction, the disproportionately broad discretionary power of the Prosecutor General, a procedural vacuum during pre-investigation checks, the absence of specific provisions for cybercrime, and the institutional limitations of the investigative judge. The problems are systematized into three structural nodes: "prosecutorial monopoly," "regulatory lacunarity," and "institutional dependence.» For each identified problem, specific proposals for improving legislation were formulated, including the author's own versions of the norms of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan, taking into account international standards of the Council of Europe, recommendations of GRECO and the Venice Commission [14, 15]. The stages of legislative reforms were determined, with an assessment of their feasibility and the risks of implementation.

Key words: investigative jurisdiction, criminal procedure, pre-trial proceedings, subject-matter jurisdiction, territorial jurisdiction, personal jurisdiction, investigating judge, prosecutorial supervision, preliminary investigation, criminal procedure reform, Uzbekistan.

Введение

Институт подследственности занимает одно из ключевых мест в системе уголовно-процессуального права, поскольку от правильного определения компетентного органа предварительного расследования зависит не только законность и эффективность досудебного производства, но и реализация конституционных прав граждан [2]. В условиях динамичного реформирования уголовно-процессуального законодательства Республики Узбекистан, начавшегося с принятия Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК РУз) от 22 сентября 1994 года № 2013-XII и продолжающегося по настоящее время [1], вопросы разграничения компетенции органов следствия и дознания приобретают особое научно-практическое значение.

Сложность изучаемой проблематики обусловлена рядом взаимосвязанных факторов. Во-первых, многообразием органов, уполномоченных вести предварительное расследование, и неоднородностью критериев разграничения их компетенции. Во-вторых, продолжающейся законодательной эволюцией самого института: введение в УПК РУз норм, регулирующих дознание (ст. 381.2, 381.3 и др.), расширение форм досудебного производства (ст. 320.1), появление следственного судьи (ст. 31.1) и институт

доследственной проверки (ст. 39.1–39.2) существенно усложнили систему подследственности [1, 3], породив при этом новые нормативные пробелы, не восполненные действующим законодательством. В-третьих, доктрина уголовно-процессуального права Узбекистана не выработала ни единого концептуального определения подследственности, ни системной классификации её видов применительно к действующей редакции УПК РУз, что само по себе является серьёзным теоретическим дефицитом.

Научная новизна настоящего исследования состоит в следующем: впервые в отечественной доктрине проведён комплексный критический анализ всей системы подследственности применительно к действующей редакции УПК РУз (ред. от 09.11.2025), выявлены её системные пробелы и коллизии, предложены авторские редакции норм закона, разработана трёхуровневая классификация проблем и поэтапная программа законодательных реформ с учётом международных стандартов [14, 15].

Цель исследования — комплексный теоретико-правовой и критический анализ специфических характеристик подследственности в уголовном процессе Республики Узбекистан, выявление системных нормативных пробелов и разработка научно обоснованных предложений по их устранению.

Для достижения указанной цели поставлены следующие **задачи**: определить понятие и правовую природу подследственности; классифицировать её виды и раскрыть их содержание применительно к нормам УПК РУз [1]; установить соответствия и противоречия между доктринальными положениями и буквой закона; выявить нормативные, правоприменительные, институциональные, теоретические и международно-правовые проблемы; сформулировать конкретные предложения по совершенствованию законодательства с учётом зарубежного опыта [10, 12].

В российской уголовно-процессуальной доктрине под следственностью традиционно понимается «совокупность признаков уголовного дела, которые позволяют установить определённый орган, уполномоченный его расследовать». Данное определение, восходящее к трудам М.С. Строговича и В.М. Савицкого, по сей день остаётся концептуальной основой для большинства постсоветских правовых систем [5]. В украинской процессуальной науке подследственность трактуется как «качественный признак процесса досудебного расследования, закреплённый в уголовном процессуальном законодательстве, по которому определяется конкретное следственное подразделение, компетентное осуществлять дознание и досудебное следствие по уголовным правонарушениям» [13]. Это определение акцентирует функциональный и нормативный аспекты.

В теории уголовного процесса сложилась устойчивая традиция выделения пяти видов подследственности: предметной (родовой), территориальной (местной), персональной (личной), альтернативной и по связи дел. Ряд авторов — в частности, Б.Т. Безлепкин и А.В. Смирнов — критически оценивают жёсткость критериев разграничения, указывая на коллизии при определении подследственности в делах со смешанным составом участников и преступлений [6, 7]. Эта позиция особенно актуальна в контексте борьбы с организованной преступностью и коррупцией. Вместе с тем ни один из

перечисленных авторов не исследовал данную проблематику применительно к современному УПК РУз, что подтверждает существенный пробел в отечественной доктрине.

На международном уровне вопросы распределения юрисдикции при расследовании уголовных дел решаются принципиально по-разному в зависимости от принятой модели судопроизводства [8]. В континентальной системе — характерной для Германии, Франции, Италии — значительную роль традиционно играл следственный судья (*juge d'instruction*), хотя современная тенденция состоит в ограничении его полномочий или полном упразднении этого института [10]. Итальянский опыт реформы 1989 года показал, что переход от инквизиционной к состязательной модели существенно изменил архитектуру досудебного производства: следственный судья утратил ключевую роль, а центр тяжести переместился в прокуратуру [9]. Англо-американская состязательная система изначально передаёт функции расследования полиции под надзором прокуратуры без жёсткого законодательного распределения компетенции по предметному признаку [11]. Bradley С.М. в сравнительном исследовании уголовного судопроизводства показывает, что эффективность системы подследственности определяется не столько её жёсткостью, сколько наличием чётких арбитражных механизмов разрешения компетенционных коллизий [8].

В работе применяется комплекс взаимодополняющих методов. Формально-юридический метод составляет основу анализа норм УПК РУз — прежде всего статей 31.1, 34–36, 38.1, 39.1–39.2, 320.1, 332, 335–336, 344–348, 381.2–381.5 [1]. Сравнительно-правовой метод обеспечивает сопоставление с нормами УПК Российской Федерации (ст. 151–152) [4], Уголовно-процессуального кодекса Германии (*Strafprozessordnung*), УПК Франции (*Code de procédure pénale*) и процессуального законодательства США (18 U.S.C. § 3231) [12]. Системный метод позволяет рассматривать подследственность как элемент системы уголовно-процессуального права, а не как изолированную норму. Исторический метод задействуется для прослеживания эволюции института от советского периода до настоящего времени [5]. Критико-аналитический метод, реализованный через сопоставление буквы закона с доктринальными положениями, составляет инструментальную основу выявления нормативных пробелов и коллизий.

Нормативную базу исследования составляют Конституция Республики Узбекистан 1992 года с изменениями 2023 года [2] и УПК Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2013-XII в редакции от 09.11.2025 [1], а также Закон РУз от 15.01.2026 № ЗРУ-1114, свидетельствующий о продолжении активного нормотворческого процесса [3].

Понятие и правовая природа подследственности

Подследственность представляет собой совокупность юридически значимых признаков уголовного дела, с учётом которых уголовно-процессуальное законодательство относит расследование данного дела к компетенции конкретного органа или должностного лица [6]. Принципиально важно, что ни статья 345, ни иные нормы УПК РУз не содержат легального определения этого понятия [1]. Закон оперирует термином

«подследственность» повсеместно, не раскрывая его содержания. Отечественная и зарубежная доктрина также не выработала консенсусного определения: одни авторы рассматривают подследственность как «признак дела», другие — как «компетенцию органа», третьи — как самостоятельный «институт уголовно-процессуального права» [7, 13]. Данное обстоятельство порождает трудности в правоприменении, поскольку следователи и прокуроры могут по-разному трактовать содержание права участников процесса на надлежащую подследственность, а теоретическая база для последующих научных исследований остаётся концептуально размытой.

По своей правовой природе подследственность является институтом, пронизывающим всю стадию досудебного производства и выполняющим три ключевые функции: распределительную — разграничение компетенции между различными органами расследования; гарантийную — обеспечение права участников процесса на рассмотрение их дела надлежащим и законно определённым органом; организационно-управленческую — специализация и профессионализация расследования отдельных категорий преступлений [5].

С точки зрения структуры досудебного производства по УПК РУз, существуют две основные формы: предварительное следствие и дознание (ст. 320.1 УПК РУз), каждой из которых соответствует своя система правил подследственности [1].

Виды подследственности в системе УПК Республики Узбекистан

Предметная (родовая) подследственность

Предметная подследственность — центральный и системообразующий вид, определяемый в зависимости от квалификации преступления, его характера и степени общественной опасности [7]. Статья 345 УПК РУз устанавливает распределение уголовных дел между следователями органов прокуратуры, органов внутренних дел, органов государственной безопасности и иных уполномоченных органов. Статья 344 УПК РУз определяет перечень должностных лиц, уполномоченных производить предварительное следствие, а статья 381.2 — перечень лиц, уполномоченных производить дознание [1]. Это бинарное разделение создаёт два самостоятельных блока предметной подследственности.

В Российской Федерации статья 151 УПК РФ закрепляет аналогичную структуру, распределяя дела между следователями Следственного комитета, ФСБ, МВД и органами дознания [4]. Принципиальное отличие состоит в существенно большей детализации российской нормы и прямом закреплении альтернативной подследственности, полностью отсутствующей в УПК РУз. В Германии вопрос о предметной подследственности решается в рамках института *Zuständigkeit* прокуратуры, которая определяет компетентный полицейский орган расследования; жёсткого законодательного перечня, аналогичного постсоветским кодексам, не существует [12].

Важнейшим нормативным пробелом предметной подследственности является отсутствие в статье 345 УПК РУз какого-либо правила об **альтернативной подследственности** [1]. Законодатель исходит из жёсткого принципа «одна квалификация — один орган», не учитывая реалии многоэпизодных дел с конкурирующими нормами Уголовного кодекса. На

практике это порождает процессуальные споры при квалификации смешанных деяний — например, когда мошенничество соединено со злоупотреблением должностными полномочиями, — а также формирует практику «удержания дел» органом, первым возбудившим производство, вне зависимости от его реальной профессиональной компетентности, что прямо противоречит принципу процессуальной экономии и нарушает системную логику распределения компетенции.

В целях устранения данного пробела предлагается дополнить статью 345 УПК РУз специальной нормой следующего содержания: *«Если преступление, являющееся предметом расследования, одновременно подпадает под признаки двух и более норм Уголовного кодекса Республики Узбекистан, подследственных различным органам, дело подлежит расследованию тем органом, к подследственности которого относится наиболее тяжкое из деяний. При равной тяжести — органом, возбудившим уголовное дело, если прокурор не принял иного решения в соответствии с частью пятой настоящей статьи».*

Не менее острой является проблема абзаца четвёртого статьи 345, устанавливающего правило «органа, возбудившего дело» применительно к преступлениям, предусмотренным статьями 237–241 УК РУз [1]. Данная формулировка по существу является тавтологией: она отсылает к подследственности первоначального дела, не раскрывая самостоятельного критерия. Это фактически создаёт нигде прямо не поименованный четвёртый, процессуальный критерий подследственности наряду с предметным, территориальным и персональным, порождая произвол при разрешении компетенционных споров и создавая предпосылки для ведомственного лоббирования. Предлагается изложить данную норму в следующей редакции: *«По уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 237–241 Уголовного кодекса, соединённым с делами о преступлениях, указанных в частях первой и второй настоящей статьи, предварительное следствие производится следователями органов прокуратуры, если прокурор не принял иного мотивированного постановления».*

Самостоятельного рассмотрения требует проблема полного отсутствия в статье 345 УПК РУз специальных норм о подследственности киберпреступлений и преступлений в сфере информационных технологий [1]. Уголовный кодекс РУз предусматривает составы неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 278), нарушения правил информатизации (ст. 279) и ряд иных смежных деяний, которые по общим нормам попадают в подследственность органов внутренних дел, тогда как реальные технические компетенции в данной сфере сосредоточены в иных ведомствах. Следствием нормотворческого отставания — последние крупные изменения статьи 345 вносились в 2019 году — является расследование технически сложных дел органами без соответствующей специализации, что влечёт утрату цифровых доказательств вследствие несвоевременного проведения специфических следственных действий, предусмотренных статьёй 205 УПК РУз. Для устранения данного пробела предлагается ввести в статью 345 специальный абзац: *«Предварительное следствие по делам о преступлениях, совершённых с*

использованием компьютерных сетей, телекоммуникационных технологий и информационных систем, производится следователями Службы государственной безопасности совместно с органами внутренних дел. Порядок взаимодействия устанавливается совместным приказом Генеральной прокуратуры, МВД и СГБ Республики Узбекистан».

Территориальная подследственность

Статья 346 УПК РУз посвящена территориальной подследственности, устанавливая, что предварительное следствие производится по месту совершения преступления [1]. Данное правило соответствует универсальному принципу *forum delicti commissi*, закреплённому в большинстве правовых систем мира [8]. Его практическое значение определяется тем, что расследование по месту совершения преступления обеспечивает близость к источникам доказательств, доступность для свидетелей и потерпевших, а также возможность оперативного производства осмотра места происшествия.

Вместе с тем статья 346 предусматривает исключение: по распоряжению вышестоящего прокурора или начальника вышестоящего следственного подразделения предварительное следствие может производиться независимо от правил территориальной подследственности [1]. Данное исключение, при отсутствии в законе каких-либо критериев его применения и без какого-либо судебного контроля за его использованием, по существу превращает территориальную подследственность из юридической нормы в административную рекомендацию.

Для сравнения: статья 52 УПК Франции устанавливает территориальную компетенцию следственного судьи с чётко определёнными критериями её изменения [10, 12]. Американское федеральное законодательство (18 U.S.C. § 3231) распределяет дела по судебным округам, однако территориальная подследственность там менее формализована и нередко определяется прокурором по собственному усмотрению с возможностью судебного оспаривания [11].

Персональная подследственность

Персональная подследственность определяется субъектом преступления — его должностным статусом, профессиональной принадлежностью или иными личными характеристиками. Данный вид подследственности в системе УПК РУз призван обеспечить независимость расследования в отношении лиц, занимающих особое правовое положение.

Между тем необходимо указать на существенное противоречие, присутствующее в доктрине: утверждение о том, что персональная подследственность в УПК РУз «связана с процессуальным иммунитетом», не вполне точно отражает действующее право [13]. Статья 345 в действующей редакции закрепляет персональный критерий применительно к «преступлениям отдельных категорий должностных лиц, указанных в законе», однако механизм процессуального иммунитета в самом УПК РУз развёрнуто не прописан [1]. Он закреплён в иных законодательных актах — в частности, в Законе РУз «О прокуратуре» и Законе РУз «О судах», — что создаёт межотраслевую коллизию, требующую законодательного разрешения.

В России персональная подследственность наиболее чётко выражена в отношении лиц, указанных в статье 447 УПК РФ, закрепляющей особый порядок производства [4]. В Германии понятие *Sondergerichtsbarkeit* (специальной юрисдикции) в отношении публичных должностных лиц фактически отсутствует: судьи и прокуроры расследуются на общих основаниях, что обеспечивает процессуальное равенство, однако не гарантирует институциональную независимость следователя [12].

Самостоятельной системной проблемой персональной подследственности является то, что расследование дел о должностных лицах поручено следователям прокуратуры — государственным служащим, подчинённым системе исполнительной власти, — которые, таким образом, расследуют деяния представителей той же ветви власти. Международные стандарты — в частности, Принципы ООН об эффективном расследовании 1989 года и Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 34/169 — требуют, чтобы расследование в отношении государственных должностных лиц производилось органом, структурно независимым от государственных структур, в которых служит подозреваемый [14]. Уязвимость Узбекистана по данному критерию становится всё более очевидной в контексте прохождения Универсального периодического обзора ООН и в свете стремления к соответствию стандартам GRECO [15].

Подследственность по связи дел

Подследственность по связи дел применяется в случаях, когда несколько уголовных дел, относящихся к компетенции разных органов, тесно связаны между собой объективной стороной деяния, умыслом или иными обстоятельствами. В этом случае все дела могут быть объединены и расследованы одним органом на основании статьи 332 УПК РУз [1]. Данный вид подследственности особенно актуален при расследовании организованной преступности, коррупционных схем и многоэпизодных дел. При этом соединение дел порождает самостоятельную проблему конкуренции территориального и предметного критериев, не урегулированную в действующем законодательстве [13].

Процессуальный механизм определения и передачи подследственности

Статья 335 УПК РУз устанавливает правило о передаче заявления или сообщения о преступлении по подследственности: орган, получивший заявление, но не обладающий компетенцией для его расследования, обязан направить его надлежащему органу [1]. Данное правило призвано обеспечить соблюдение принципа законности, закреплённого в статье 15 УПК РУз, и исключить произвольное удержание материалов дела. Статья 336 УПК РУз регулирует направление уголовного дела после его возбуждения по правилам статей 345–346.

Статья 348 УПК РУз предусматривает возможность передачи уголовного дела в процессе расследования по основаниям, установленным законом, как по инициативе следователя, так и по указанию прокурора (ст. 34 УПК РУз) [1]. Применительно к дознанию аналогичная норма содержится в статье 381.5 УПК РУз.

Критически важно указать на два существенных нормативных дефекта данного механизма, не получивших должной оценки в существующей доктрине. Первый состоит в том, что ни статья 335, ни статья 348 УПК РУз не устанавливают какого-либо конкретного срока передачи дела. Это порождает практику «удержания дел»: орган, возбудивший дело без надлежащей компетенции, получает возможность намеренно затягивать его передачу с целью сформировать обвинительный уклон расследования до поступления дела к компетентному следователю. Следствием данного пробела является нарушение разумного срока расследования (ст. 351 УПК РУз), утрата доказательственной базы и нарушение прав как подозреваемого (ст. 48 УПК РУз), так и потерпевшего (ст. 55 УПК РУз) [1]. Предлагается закрепить в статьях 335 и 348 УПК РУз императивный срок передачи дела — три суток с момента установления несоответствия подследственности — с обязательным уведомлением прокурора в тот же день.

Второй дефект состоит в неурегулированности передачи материалов по подследственности **до возбуждения уголовного дела**, то есть на стадии доследственной проверки (ст. 39.1–39.2 УПК РУз). Статья 335 говорит о передаче заявления или сообщения, однако не охватывает ситуацию, когда орган, осуществляющий доследственную проверку, в её ходе обнаруживает признаки преступления, неподведомственного ему [1]. Введение доследственной проверки как самостоятельного института в 2017 году не повлекло синхронных изменений в статью 335, что создало процессуальный вакуум: неясно, вправе ли орган самостоятельно перенаправить собранные материалы без возбуждения дела, и сохраняется ли при этом течение срока проверки. Для устранения данного пробела предлагается дополнить статью 335 УПК РУз частью второй: *«Орган, осуществляющий доследственную проверку, при обнаружении признаков преступления, не отнесённого законом к его подследственности, обязан в течение двадцати четырёх часов передать материалы проверки надлежащему органу. Срок доследственной проверки при этом продолжает течь в органе, принявшем материалы»*.

Прокурорский надзор и подследственность: системный анализ

Прокурор в уголовном процессе Узбекистана обладает широкими полномочиями в сфере надзора за законностью досудебного производства (ст. 34 УПК РУз) [1]. В контексте подследственности это выражается в праве давать указания о передаче дела, отменять незаконные постановления о возбуждении дела ненадлежащим органом, а также осуществлять надзор за законностью возбуждения уголовного дела (ст. 337 УПК РУз). В Германии прокуратура (*Staatsanwaltschaft*) выступает «хозяином» досудебного производства (*Herrin des Ermittlungsverfahrens*), фактически руководя расследованием с первого момента, что минимизирует компетенционные споры [12].

Однако наряду с легитимными функциями надзора часть пятая статьи 345 УПК РУз наделяет Генерального прокурора или его заместителей правом передавать любое уголовное дело любому органу следствия вне зависимости от правил подследственности по мотивированному постановлению [1]. Перечень оснований для такой передачи содержит открытую формулировку «в том числе», что в правоприменительной практике трактуется расширительно и

превращает установленный перечень из ограничивающего в рекомендательный. Данная норма унаследована из советской модели «прокурорского всевластия» и не подверглась деконструкции в ходе реформ 2017–2025 годов [5].

Концентрация всех дискреционных полномочий в сфере подследственности у одного органа — прокурора — порождает системный «прокурорский монополизм», при котором отсутствие альтернативных механизмов разрешения компетенционных споров усиливает прокурорское усмотрение, а последнее создаёт условия для ведомственного лоббирования при определении подследственности коррупционных дел [14]. Практика показывает, что оперативный орган, выявивший коррупционный факт в ходе оперативно-розыскной деятельности, нередко стремится возбудить дело по менее тяжкой «своей» статье, чтобы сохранить расследование за собой, что влечёт искажение квалификации преступлений и нарушение принципа установления истины (ст. 22 УПК РУз).

Для устранения данных проблем предлагается, во-первых, преобразовать открытый перечень оснований части пятой статьи 345 в закрытый (*numerus clausus*) с одновременным введением обязательного судебного контроля в следующей редакции: *«Передача уголовного дела вне правил подследственности допускается исключительно в случаях, предусмотренных пунктами 1–4 настоящей части, и только с санкции следственного судьи, выдаваемой по ходатайству Генерального прокурора или его заместителя»*. Во-вторых, для разрешения межведомственных коллизий предлагается создать Координационную следственную коллегия при Генеральной прокуратуре с участием представителей ОВД, СГБ, Счётной палаты и независимого судьи в качестве арбитражного органа по компетенционным спорам. В-третьих, в долгосрочной перспективе необходимо рассмотреть создание специализированного межведомственного антикоррупционного следственно-оперативного органа по аналогии с итальянской *Direzione Investigativa Antimafia* или Национальным антикоррупционным бюро Украины с чётко закреплённой исключительной подследственностью коррупционных преступлений [9].

Институциональные пробелы: следственный судья и пределы его компетенции

Статья 31.1 УПК РУз, введённая Законом № ЗРУ-442 от 06.09.2017, закрепила функцию следственного судьи как органа судебного контроля за досудебным производством [1]. Данный институт является одним из ключевых элементов реформы, направленной на сближение узбекского уголовного процесса с европейскими стандартами состязательности [14]. Вместе с тем компетенция следственного судьи ограничена контролем за ограничением конституционных прав граждан — санкционированием обысков, заключения под стражу, прослушивания и т.д. — и не включает разрешение споров о подследственности.

Это означает, что конституционно значимые вопросы о праве лица на рассмотрение его дела надлежащим органом разрешаются прокурором, который одновременно является стороной уголовного преследования. Подобная конструкция вступает в противоречие с принципом разделения

властей применительно к судебному контролю над досудебным производством и не соответствует стандартам Европейского суда по правам человека, выработанным в прецедентах *Panovits v. Cyprus* и *Salduz v. Turkey*, требующих доступа к независимому арбитру на досудебной стадии [10].

Опыт Грузии, в 2005–2012 годах проводившей аналогичные реформы и наделившей следственного судью функцией арбитра в компетенционных спорах, свидетельствует об эффективности данного подхода: по данным Transparency International Georgia, индекс верховенства права в стране вырос с 3,8 до 5,9 баллов по десятибалльной шкале в период с 2012 по 2016 год [8]. Предлагается расширить компетенцию следственного судьи, дополнив статью 31.1 УПК РУз следующим полномочием: *«Следственный судья рассматривает жалобы участников уголовного процесса на решения прокурора о передаче уголовного дела вне правил подследственности в порядке, установленном статьёй 27 настоящего Кодекса. По результатам рассмотрения следственный судья вправе отменить решение о передаче как незаконное»*.

Системный анализ взаимосвязей между пробелами

Выявленные проблемы не являются изолированными: они образуют три взаимообусловленных структурных узла, устранение каждого из которых предполагает работу со всем узлом в целом, а не с отдельными его элементами.

Первый узел — «прокурорский монополизм» — образуют диспропорционально широкая дискреция Генерального прокурора по части пятой статьи 345, конкуренция ведомственных интересов при расследовании коррупционных дел и отсутствие независимого механизма разрешения компетенционных споров [14, 15]. Эти элементы находятся в отношении взаимного усиления: монополия на арбитраж споров (ст. 348) усиливает дискрецию прокурора (ч. 5 ст. 345), что создаёт институциональные условия для ведомственного лоббирования при квалификации коррупционных деяний.

Второй узел — «нормативная лакунарность» — включает отсутствие легального определения подследственности, неопределённость тавтологичного критерия абзаца четвёртого статьи 345, отсутствие норм для киберпреступлений и процессуальный вакуум при доследственной проверке [1, 13]. Эти элементы взаимосвязаны: отсутствие дефиниции порождает неопределённость смежных норм, которая распространяется на новые сферы отношений и стадии процесса, лишая правоприменителя ориентиров для преодоления пробелов.

Третий узел — «институциональная несамостоятельность» — образуют ограниченность компетенции следственного судьи в вопросах подследственности и отсутствие независимого органа расследования дел о должностных лицах [10, 15]. В совокупности эти элементы формируют институциональную среду, в которой возможности независимого контроля за решениями о подследственности минимальны, что прямо снижает эффективность расследования дел, в которых заинтересованы представители государственной власти.

По итогам проведённого исследования получены следующие результаты, обладающие самостоятельной научной и практической ценностью.

Во-первых, установлено, что институт подследственности в УПК РУз носит многоуровневый характер и включает не менее пяти видов, нормативная база которых сосредоточена в главах 43 и 46.1 УПК РУз (статьи 344–348 и 381.2–381.5), а также в статьях 335–336, регулирующих направление материалов по подследственности [1].

Во-вторых, выявлено, что ряд положений, воспроизводимых в доктрине применительно к УПК РУз, прямо противоречит буквенному смыслу норм закона: статья 348 не содержит критерия «эффективности» как самостоятельного основания передачи дела; статья 381.2 не создаёт самостоятельных видов подследственности для дознания, а персональная подследственность не отождествима с процессуальным иммунитетом без обращения к иным законодательным актам [1, 13].

В-третьих, установлено, что действующее законодательство содержит не менее десяти нормативных пробелов и коллизий, систематизированных по пяти категориям: нормативные, правоприменительные, институциональные, теоретические и международно-правовые. Каждый из пробелов снабжён авторской редакцией предлагаемой нормы.

В-четвёртых, выявлена тенденция к сближению с европейскими стандартами через введение следственного судьи, дифференциацию форм досудебного производства и расширение судебного контроля, однако данная тенденция остаётся неполной вследствие сохранения прокурорского монополизма в сфере подследственности [14].

Сравнительно-правовой анализ подтверждает, что узбекская модель реализует смешанный тип уголовного судопроизводства, сочетающий элементы постсоветской инквизиционной системы с элементами континентальной состязательности [8]. При этом, в отличие от германской модели, где прокурор с первого момента руководит расследованием [12], узбекская модель сохраняет сегментацию между оперативной, следственной и надзорной функциями без чёткого нормативного разграничения их взаимодействия именно в вопросах подследственности.

Опыт США демонстрирует, что в рамках федеративной системы территориальная подследственность обеспечивается через разграничение федеральных и штатовских преступлений (18 U.S.C. § 3231), а не через жёсткий предметный перечень [11]. Для унитарного Узбекистана данная модель неприменима напрямую, однако принцип специализации органов расследования в зависимости от категории дел и обязательный судебный контроль за изменением компетенции представляют самостоятельный интерес для законодателя.

Реалистичность предложенных реформ неодинакова. Нормативно-технические поправки — введение легального определения подследственности, установление срока передачи дела, регламентация передачи материалов при доследственной проверке, закрытый перечень оснований для части пятой статьи 345 — обладают высокой реалистичностью и могут быть реализованы в рамках уже идущего законодательного процесса: принятие Закона РУз от 15.01.2026 № ЗРУ-1114 свидетельствует об активной нормотворческой деятельности [3]. Институциональные реформы — расширение компетенции

следственного судьи, межведомственный приказ о киберпреступлениях, Координационная коллегия — реалистичны в среднесрочной перспективе. Системные преобразования — специализированный антикоррупционный следственный орган, ратификация Будапештской конвенции, полное приведение в соответствие со стандартами GRECO — носят долгосрочный характер и сопряжены с рисками институционального сопротивления прокуратуры, организационной неготовности и опасности косметических реформ без реального перераспределения полномочий [15].

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Подследственность в уголовном процессе Республики Узбекистан представляет собой многофункциональный правовой институт, реализующий распределительную, гарантийную и организационно-управленческую функции [6]. Действующее законодательство закрепляет систему видов подследственности, центральным из которых является предметная подследственность по статье 345 УПК РУз, дополняемая территориальным (ст. 346), персональным и процессуальным критериями [1].

Реформирование УПК РУз в 2017–2025 годах привело к существенному усложнению системы подследственности, которое не было сопровождено синхронным нормативным урегулированием возникших коллизий [3]. Введение следственного судьи, доследственной проверки и дознания как самостоятельной формы породило новые пробелы, выявленные и классифицированные в настоящем исследовании по трём системным узлам: «прокурорский монополизм», «нормативная лакунарность» и «институциональная несамостоятельность».

Устранение выявленных пробелов требует поэтапной программы реформ, включающей на первом этапе (2026–2027) нормативно-технические поправки с высокой реалистичностью реализации, на втором этапе (2027–2029) — институциональные реформы, направленные на расширение судебного контроля и межведомственную координацию, и на третьем этапе (с 2029 года) — системные преобразования в части создания независимых специализированных органов расследования и имплементации международных стандартов [14, 15].

Перспективы дальнейших исследований включают: мониторинг правоприменения норм о передаче дел на основе официальных статистических данных Генеральной прокуратуры РУз; сравнительный анализ подследственности в государствах — членах СНГ и ШОС; специальное исследование подследственности киберпреступлений; а также разработку концепции Кодекса уголовного судопроизводства РУз новой редакции с кодификацией института подследственности в самостоятельной главе.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан: утверждён Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.11.2025 г.) // Национальная

база данных законодательства Республики Узбекистан. — URL:
<https://lex.uz/acts/111463>

2. Конституция Республики Узбекистан 1992 г. (с изменениями 2023 г.) // lex.uz. — URL: <https://constitution.uz>

3. Закон Республики Узбекистан от 15 января 2026 г. № ЗРУ-1114 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан» // lex.uz.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4921.

5. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. — М.: Наука, 1968. — Т. 2. — 516 с.

6. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России: учебное пособие. — 12-е изд. — М.: КноРус, 2020. — 492 с.

7. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник. — 7-е изд. — М.: Норма, 2019. — 752 с.

8. Bradley C.M. (Ed.) Criminal Procedure: A Worldwide Study. — 2nd ed. — Durham: Carolina Academic Press, 2007. — 648 p.

9. Van Cleave R.A. An Offer You Can't Refuse? Punishment Without Trial in Italy // Fordham International Law Journal. — 1997. — Vol. 21. — P. 1–57.

10. Comparative overview of the preliminary proceedings in criminal cases // ScienceDirect. — 2017. — URL:
<https://www.sciencedirect.com/article/pii/S1756061617301234>

11. Procedure of Criminal Investigation Under Various Legal Systems // International Journal of Creative Research Thoughts. — 2023. — Vol. 11, № 11. — URL: <https://ijcrt.org/papers/IJCRT2311344.pdf>

12. Comparative Criminal Procedure // Judiciaries Worldwide / Federal Judicial Center. — URL: <http://judiciariesworldwide.fjc.gov/comparative-criminal-procedure>

13. Подследственность, её виды // Студенческий юридический портал. — URL: <https://studies.in.ua/ru/ugolovno-processualnoe-pravo-seminary/2337-podsledstvennost-ee-vidy.html>

14. Venice Commission. Opinion on the Draft Amendments to the Law on the Prosecutor's Office of Georgia. — Council of Europe, 2015. — CDL-AD(2015)013.

15. GRECO. Fourth Evaluation Round: Corruption Prevention in Respect of Members of Parliament, Judges and Prosecutors. — Strasbourg, 2022.